

**THE
NEW REVIEW
Новый Журнал**

Основатели

М. АЛДАНОВ и М. ЦЕТЛИН

С 1946-го по 1959-й редактор М. КАРПОВИЧ

Двадцать первый год издания

РЕДАКЦИЯ:

Р. Б. ГУЛЬ, Ю. П. ДЕНИКЕ, Н. С. ТИМАШЕВ

NEW REVIEW, June 1962

Quarterly, No. 68

2700 Broadway, New York 25, N. Y.

Subscription Price \$9. — for one year

Publisher: New Review, Inc.

Second Class Mail postage paid

at New York, N. Y.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
<i>Из архива Бунина</i>	5
<i>Иван Елагин</i> — В Greenwich Village	11
<i>Т. С. Элиот</i> — Поэмы	13
<i>Д. Кленовский</i> — Стихотворения	26
<i>Сурен Санниан</i> — Продажа	30
<i>А. Величковский</i> — Стихотворения	44
<i>Гайто Газданов</i> — Из блокнота	47
<i>Лидия Алексеева</i> — Стихотворения	65
<i>Ирина Одоевцева</i> — На берегах Невы	66
<i>Гизелла Лахман</i> — Из Эмили Дикинсон	91
<i>Михаил Чехонин</i> — Ворон	92
<i>Алексис Раннит</i> — Стихотворения	111
<i>Наталья Ильинская</i> — Диана Вашингтонская	115
<i>Р. Плетнев</i> — Негош, Пушкин и Мицкевич	128
<i>К. Давыдов</i> — М. М. Пришвин	146
<i>Юрий Арбатский</i> — О Бородине	155
ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:	
<i>И. Г. Церетели</i> — Воспоминания о Февральской революции	164
<i>К. Вендзягольский</i> — Савинков	190
<i>Мария Бочарникова</i> — Бой в Зимнем Дворце	215
<i>К. Иренин</i> — В Хибинах	228
ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:	
<i>Г. Вернадский</i> — Человек и животный мир в истории России	242
<i>Н. С. Тимашев</i> — Три мнения о России	262
<i>В. Варшавский</i> — Заметки о прочитанном	270
<i>Ю. Денике</i> — Купеческая семья Тихомирновых	280
<i>Д. Н. Иванов</i> — О сельскохозяйственных затруднениях в СССР	288
ПАМЯТИ УШЕДШИХ:	
<i>К. Аренский</i> — С. Л. Бертенсон	298
<i>Э. Рейнольдс Хапгуд</i> — С. А. Васильев	299
БИБЛИОГРАФИЯ:	
<i>Вяч. Завалишин</i> — The Penguin Book of Russian Verse. В. 3-н. Turgenev in English	302
Письмо в редакцию	304

PRINTED IN USA BY HAUSEN BROS., 142 EAST 32 ST., NEW YORK 16, N.Y.

М. М. ПРИШВИН

Когда умер Пришвин, — столько ярких, теплых воспоминаний поднялось в моей памяти... Я знал Пришвина в течение полутора десятка лет в самом начале его творческой деятельности, когда только определялся его талант. Мы были с ним близкими друзьями и я горжусь тем, что мне удалось, быть может как никому понять его мятущуюся душу.

Творчеству Пришвина посвящено уже не мало работ, но все же скажу, что он был талант такой оригинальный, такой своеобразный, что пройдет еще много времени пока удастся правильно его разгадать и вполне оценить. Пришвин был один из талантливейших писателей нашего времени. Это был художник русской природы, глубоко оригинальный, целиком ею проникнутый, как никто другой понимавший ее размах и ее чары. Это было своеобразное творчество! Пришвин не только чувствовал и понимал явления родной природы: наша русская природа нашла в нем (и, пожалуй, только в нем) выразителя и передатчика своих тайн. Читая Пришвина каждый невольно почувствует, что автор говорит языком природы, мыслит ее мыслями. Живя всеми своими чувствами в связи с природой, Пришвин в то же время ставил себе основной задачей искать в ней прекрасные черты человеческой души. «Человечество от природы неотделимо», — говорил он — «она есть часть человеческого общества. Я пишу о природе, а сам только о человеке думаю».

Пришвина мало понимали. Ему ставили в упрек, что он ограничивал свой талант описанием природы. Но это было глубоко несправедливо. Чтобы понять суть творчества Пришвина нужно было шаг за шагом проследить историю развития этого творчества с молодых лет. Я считаю большим для себя счастьем, что знал Пришвина в период, когда определялся «будущий Пришвин». Следя за его деятельностью в тот период мне удалось в ней открыть то, что остается скрытым для других. Льшу себя надеждой, что мои воспоминания об ушедшем на-

всегда писателе внесут свою лепту в правильное понимание и оценку специалистами его литературного наследства.

Я познакомился с Пришвиным в период начала его литературной работы, сразу же близко сошелся с ним и был свидетелем развития его творчества, вплоть до 1923 года, дата моего отъезда за-границу.

Наше знакомство произошло при не совсем обычных обстоятельствах. Это был 1903 год. Я только что вернулся из своего большого путешествия в Индонезию во время которого мне удалось побывать в мало доступных, остающихся до сих пор в девственном состоянии местах (Я говорю о Новой Гвинее).

Путешествие возбуждало, разумеется, не мало разговоров в научных кругах и меня, что называется, разрывали на части всякими расспросами. В это время один из коллег пригласил меня на обед, чтобы в дружеской компании послушать мои повествования. За столом я оказался сидящим рядом с неизвестным мне лохматым господином, который сразу же стал спрашивать о вынесенных мною впечатлениях о тропиках. Место и время казалось мне неподходящими для серьезного разговора. Я лично всегда держусь правила: когда я ем — я глух и нем. И мне пришла в голову шальная мысль (другого слова не подберу) прекратить дальнейшие разговоры на эту тему и обратит дело в шутку. Благодушно настроенный я стал рассказывать моему соседу явно в шутовском тоне фантастическую, нелепую историю, как где-то в девственном лесу навстречу мне на тропинку вышла группа обезьян. Я будто выстрелил. Одна обезьяна упала, а остальные бросились, расселись по деревьям и смотрели на меня с укором. Раненая же мной обезьяна, лежа на земле, поманила меня рукой и когда я подошел, она смотрела мне в глаза долгим прощальным взором, пожалла крепко мою руку и умерла... История, повторяю, явно шутовская, но к моему изумлению мой сосед, явно взволнованный, нервно поднялся со своего места, руки его дрожали... «Боже, какая потрясающая драма, господа, как вы можете спокойно продолжать обедать после такого рассказа. Нет, нет я не в состоянии и ухожу». И ушел. «Это писатель Пришвин, пояснил мне хозяин, я позабыл тебя предупредить. С ним нужно осторожно: это мудреная личность, у него всегда какая-нибудь белиберда в голове...»

Прошло недели две после описанного нелепого инцидента и я уже успел забыть о нем. Работаю как-то в лаборатории

Академии наук и вдруг на пороге появляется характерная фигура Пришвина. Явно взволнованный, бегло поздоровавшись, он сразу же обращается ко мне с вопросом: «Меня все время мучит одно обстоятельство. Скажите, когда «она» жала руку вам...» «Кто она?», спрашиваю я, ничего не понимая. «Да эта обезьяна. Я сейчас пишу рассказ о ней и посвящу его вам...» Эта перспектива привела меня в ужас. Воображение рисует мне впечатление от этого рассказа в научных кругах. Пытаюсь объяснить. «Да, ведь, это была шутка, кричу я, всю эту историю, поймите, я сочинил, ничего подобного не было.» — «Это он просто напроосто наврал, для красного словца», — пытается в свою очередь пояснить, присутствующий при разговоре, мой товарищ профессор Метальников, тоже поняв грозившие мне перспективы. «Нет, — решительным тоном сказал Пришвин, — так выдумать нельзя. Я вас понимаю, вы стараетесь ваш выстрел превратить в шутку и забыть о нем, но все это было. В вашем рассказе я почувствовал глубокую правду и всей душой ее переживаю».

Мне долго пришлось убеждать Пришвина не писать задуманного им рассказа и в особенности не посвящать его мне, но убедить его в том, что взволновавшего его эпизода вовсе не было, я так и не мог... «Нет он был, вы просто не хотите, чтобы он лежал на вашей душе» — упорно повторял мой гость. — «И я вас понимаю...» заключил он сочувственно-покровительственно пожимая мне руку.

Прошло два-три месяца. За это время мы несколько раз виделись и успели близко сойтись с Пришвиным, а затем и подружились. Дружба наша родилась и окрепла на почве охоты. Пришвин оказался страстным охотником, охотником «Божьей милостью», принимавшим природу и весь вообще окружающий нас мир сквозь призму необычайно сильно проявляющихся в нем охотничьих инстинктов. Не преувеличивая скажу, что самым близким существом была для него ни жена, ни дети, а его легавая собака. Добавлю, что Пришвин никогда не говорил о своей семейной жизни. Как-то раз я выразил ему свое удивление, почему он никогда не приглашает меня к себе. «Уж не боишься ли ты, — сказал я шутливо, — что я начну ухаживать за твоей женой?» «Нет, — совершенно серьезно ответил Пришвин, — тут дело не в жене, а в собаке». «Как?» — исполнился я, ошарашенный этим ответом. «Да, — пояснил мой собеседник — «я тебя к себе оттого не приглашаю, что боюсь, что мой «Спорт» может открыть в тебе что-нибудь такое, на-

столько близкое его душе, что может свои симпатии перенести на тебя...» Я был очень польщен такими предположениями и не настаивал.

Пришвина (первого периода его литературной деятельности: «За волшебным колобком», «В стране непуганных птиц») мало кто понимал по-настоящему. Его быющая в глаза оригинальность граничила часто с кажущейся наивностью и у многих вызывала недоумение. Мало того: порой его заподозревали даже в своего рода рисовке. На самом деле никакой рисовки у него не было и я категорически на этом настаиваю. Пришвин всегда был искренен. Его просто, повторяю, не понимали, не умели к нему подойти. Это была сложная, очень оригинальная натура. Он всегда искал и находил в окружающей действительности особый, скрытый для других смысл. Он создал в своем подсознании особый мир, свой собственный, непонятный для окружающих, но в реальность которого твердо верил и в нем жил. Всякое явление, которое останавливало его внимание, принимало в его сознании особую окраску; он видел в нем особый смысл. Как иллюстрацию приведу два известных мне случая. Как-то рассказав ему о периодических перелетах птиц, я стал ему характеризовать тот порыв, которым сопровождаются перелеты и то психическое действие, которое оказывает пролетающая стая не только на птиц оседлых, которые порываются лететь за пролетающими сородичами, но и на людей, которые испытывают чувство тоски по крылу, как я это назвал. Пришвин долго, проникновенно пожал мне руку и ушел не говоря ни слова. Через неделю он принес мне проект рассказа, посвященный перелетам и я в нем увидел те же элементы, что и в рассказе «Смерть обезьяны», послужившим когда-то поводом к нашей дружбе. Пришвин в своем рассказе, описывает общий порыв, вызванный пролетающей стаей журавлей на всем пути их следования, говорил о дьяконе убогой сельской церкви, который будто-бы охваченный безумным экстазом — выскочил на улицу, замахал рясой и вдруг... полетел за улетающей стаей...

А вот второй пример: отправляясь как-то на крайний север России Пришвин хотел познакомиться с теми местами о которых знаменитый Бэр говорил, как об «утре творения». Пришвин по моему совету присоединился к моему другу профессору М., трезвому натуралисту. По возвращении из поездки он осыпал меня упреками. «Ну, нашел кого рекомендовать в сотоварищи мне, — говорил он. — Этот М. на каждом шагу мне все дело портил...» Я недоумевал. «Сам посуди, — объяс-

нял мне Пришвин, — представляешь картину: холодное, полярное море: темное, угрюмое, свинцовое, явно враждебное человеку. Над ним такое же враждебное нам темное, свинцовое, грозное небо... От этой явной неприязни природы на душе так неуютно и тревожно... И вдруг — что это? Я с удивлением вижу, что кто-то начинает приветливо махать нам с неба белым платком. Окрыленный этим чудным видением я обращаю на него внимание своего спутника. «А... безучастно отозвался он ... да это же *Lagus argentellus* (латинское название северной чайки): ты понимаешь? он сразу же убил всё мне настроение, разрушил всю сеть моих иллюзий».

Пришвин избегал всяких банальностей, всего, что могло разрушить мир его фантазии. Как-то в Петербург приехал знаменитый полярный путешественник Фритьоф Хансен, имя которого гремело по всему свету. Пошли мы с ним на доклад его. Как только последний появился на эстраде, весь зал замер и встал. Пришвин долго в каком-то экстазе смотрел на эту «железную» фигуру, а потом вдруг неожиданно вышел из зала, не дожидаясь даже начала доклада. Все были поражены. «Фигура Хансена, — объяснил он мне позднее, — меня совершенно подавила. Взгляд на этого человека, одно воспоминание о нем может довести человека до галлюцинации!.. И, знаешь, глядя на него, я вдруг испугался: а вдруг он станет сейчас говорить какую-нибудь банальщину, ведь это разрушило бы созданный в моей душе образ «сверх-человека»!

Оригинальность натуры Пришвина сказывалась во всем. Он не желал подчиняться общепринятым понятиям, ни в чем не выносил рутины, не колеблясь признавался в мыслях, которые возникали у него иногда в его сознании под влиянием тех или иных обстоятельств, хотя их нелепость всем была очевидна. Помню наше с ним путешествие — пешком по Заволжью на хорошо известное в России Святое Озеро, со дна которого в определенный день народ слышал раздававшийся звон колоколов. Вот уже семь дней как мы идем через необозримые, беспросветные леса Ветлужского края. Пробираемся по этой дикой безлюдной глуши, не встречая никаких признаков жилья (какие в те времена встречались чудесные уголки совсем близко от центральной России?). С нами идет случайно встреченный по дороге раскольник. Красочная фигура допетровской Руси, хорошо гармонирующая с окружающей обстановкой. Наш спутник глубокий старик, бредет тоже к Святому Озеру, чтобы принять там активное участие в предстоящей мистерии. Для это-

го он нес с собой (правильнее сказать ташил) огромную тяжелую, окованную железом бадью, помнившую вероятно времена протопопы Аввакума. Во время одной из ночевок в лесу у костра заходит разговор на отвлеченные мистически-философские темы. «Наш начетчик» человек вообще мало разговорчивый. Он явно враждебно отмалчивался. «Послушай, — говорит мне на следующее утро Пришвин, — вот ты старался просвещать Потапыча, доказывал ему, что не солнце вертится вокруг земли, а наоборот — земля вокруг солнца. Ну, а скажи по правде: ты-то сам твердо в этом уверен, сейчас?..» Знаю, что читая эти строки многие читатели презрительно и в недоумении пожмут плечами, но смею уверить, что в той примитивной обстановке, в которой происходила описываемая сцена я ничуть не был шокирован и прекрасно понял Пришвина.

Своеобразие мировоззрения Пришвина иногда принимало чисто мистический характер. В нем рождался инстинктивный протест против господствующего миропонимания. В таких случаях он никогда не скрывал своих мыслей и не стеснялся высказывать их публично, несмотря на то, что эти признания не могли встретить, как он знал, ничего кроме презрительного пожимания плечами и открытой насмешки. Как сейчас помню доклад Михаила Михайловича в Русском Географическом Обществе об этнографических исследованиях, где-то в Заволжье (Пришвин одно время занимался в молодые годы и этнографией и даже получил, — хотя он это скрывал, — серебряную медаль от Географического Общества). Зал был переполнен «избранной» публикой, присутствовал даже один из великих князей. И вот характеризуя женское население изученного им района, докладчик рассказал о какой-то «девке Матрешке», которая, несмотря на свою незаурядную религиозность, сделалась будто бы добычей темных сил. Эта Матрешка, рассказывал докладчик, исчезла из дома, пропала на трое суток и вернувшись объяснила свое отсутствие тем, что ее запер где-то в землянке леший, который ее там подковал «подковами». Шокированный зал разразился хохотом. Но Пришвин ничуть не смутился. «Вот вы смеетесь, — сказал он не без сарказма, — вы, разумеется скажете, что лешего не существует. Согласен, здесь, в этом зале может он и не появляется, но там... Впрочем, — добавил он, оглянув зал победоносным взглядом, — если лешего вообще нет, то объясните мне: кто же подковал Матрешку?» О впечатлении, произведенном на публику этим замечанием,

предоставлю судить читателю, скажу только, что председателю пришлось неоднократно хвататься за звонок...

Насколько мало считался Пришвин с общепринятыми нормами, при официальных публичных выступлениях, дает понятие другой его доклад (тоже в торжественной обстановке) в том же Географическом Обществе. Дело шло о вышеупомянутой мистерии на Святом Озере. Доклад начался так своеобразно, что на лицах у присутствующих я прочел явную тревогу за состояние психики докладчика. В самом деле, подойдя к кафедре, Пришвин, охваченный внезапно каким-то экстазом, забыл обо всем окружающем. Не входя на кафедру, не делая обычного вступления и даже обычного обращения к публике, он вдруг порывисто опустился на пол эстрады и низко наклоняясь во все стороны, касаясь головой пола, пополз по эстраде все время приговаривая каким-то придушенным шепотом: «ползут, все ползут, — тут, здесь, там... везде... мужчины, женщины, дети — все ползут...» Пришвин разумеется, рисовал в лицах картину религиозного экстаза полонников. Публика была шокирована, но все же на этот раз поняла его. Но в дальнейшем опять не обошлось без курьезов. Докладчик с упоением, жестикулируя головой, руками и ногами, описывал секту каких-то «бегунов», которые всю жизнь проводят в ямах не выходя из них ни на минуту. Заметив общее недоумение, Пришвин, словно снисходя к наивности публики, добавил: «Да физически они все сидят на одном месте, но мысли, запросы души все время блуждают по всей вселенной...» Зал насторожился и притих.

Был период и очень продолжительный, когда Пришвин жил в каком-то волшебном мире, мире сказок. Он не хотел мириться с прозой жизни, с житейской действительностью. В нем всегда боролись, не уживались две личности. С одной стороны это был глубоко культурный, серьезный и современный человек, но в то же время его душа вся тяготела к примитивным пережиткам старых времен, времен, когда наши отдаленные предки жили в фантастическом мире, отголоски которого дошли до нас в нынешнем мире сказок. Пришвин прекрасно сознавал, что дело идет об области небывалого и в то же время, по крайней мере в течение всего раннего периода своего творчества он инстинктивно душой стремился к этому небывалому. Он предпринимал ряд странствований по Европейской и Азиатской России. В этом стремлении к сказочному, небывалому Пришвин кончил тем, что стал чувство-

вать это «небывалое» везде где жил, «у себя под боком», как он говорил.

Вся его деятельность в течение этого времени была проникнута мало понятной для свежего человека фантастикой. Должен сознаться, что часто с трудом понимал ее и я. Как-то он поделился со мной своим проектом летней поездки в дебри Сибири, в Тарбагатайские горы. «Я убежден, — говорил он охваченный экстазом, — что эта всем известная трогательная история розысков Иваном Царевичем похищенной у него прекрасной Царевны произошла именно в Тарбагатае, а стало-быть там и нужно искать следы этой чудесной погони». И опять-таки я сразу понял потаенную мысль моего друга. Его не только тянуло познакомиться с природными особенностями этого своеобразного уголка Азии, и знакомясь с этим краем, приобщиться душой к этой природе, но он мечтал в то же время окупать свою поездку мистической сказочной фатой. И Пришвин действительно осуществил свою мечту, он побывал в Тарбагатае и много рассказывал мне об этом. Он уверял, что он отыскал перышки, которые догадливая царевна, увлекаемая серым волком, бросала по пути, чтобы облегчить погоню за ней Ивана Царевича... Нужно сказать, что рассказы его о посещенных местах, озаренные светом его мистики, были очаровательны. Он даже показал мне два найденных там перышка.

После своей поездки в Тарбагатай Пришвин часто говорил со мной по поводу «рационального» воспитания детей. У него явилась совершенно экстравагантная мысль в корне изменить принятые, устарелые по его мнению, методы воспитания детей мужского пола. «Что делать с подростками девочками, я еще не решил, вопрос этот еще не продумал, но что касается мальчиков, он для меня совершенно ясен. По достижении, скажем, 8-9 лет их воспитание должно быть предоставлено природе. У меня проект: свезти моих мальчугов на Памир и там их оставить, на попечение природы. Там они придут в соприкосновение с туземцами и будут принуждены так или иначе приспособиться к жизни в природе. А потом я их там легко найду (ведь туземное население, разумеется, будет знать их) и верь, с какой-то настойчивой восторженностью повторял мой собеседник — это будут настоящие люди, люди будущего». Слышавшие свежие люди даже не возмущались, не принимая всё это всерьез. «Пустая болтовня», говорили они, выслушав мои опасения. Но они оши-

бались. Пришвина проекты воспитания были чудовищны, аморальны, безобразны, называйте, как хотите. Соглашусь на всё кроме одного: они не были с его стороны пустой болтовней... Пришвин твердо верил в рациональность своих проектов и готов был идти на большое самопожертвование, чтобы выработать из подрастающей молодежи настоящих «людей будущего».

Я, разумеется, как мог возражал, но убедить Пришвина мне так и не удалось. Он неоднократно возвращался к своему проекту и я уверен, что он его не осуществил только благодаря обстоятельствам от него независящим...

События 1917 года нас разлучили. Мы разъехались в разные концы России и потеряли друг друга. Нельзя сказать, чтобы мы не искали встречи, но эти поиски были напрасны. Знаю, что когда Пришвин меня нашел, я уже был за границей. Знаю также, что он мечтал снова войти со мной в сношения, я был об этом осведомлен, но времена были тяжелые и это ему не удалось. А когда атмосфера прояснилась — друга уже не стало...

К. Давыдов